

Богач, бедняк...

В воскресенье 18-го на Первом канале В. Познер пытался разобраться, почему провалилась пенсионная реформа, а на НТМ двумя днями позже живописали быт обитателей Рублевского шоссе. Конечно, никто не думал о сопоставлении. Но зрелище получилось еще то.

Положение с Пенсионным фондом вовсе не шуточное. Трудоспособное население быстро сокращается, очень скоро на каждого работающего россиянина придется один пенсионер, а чтобы государство могло спокойно оплачивать жизнь неработающих граждан, надо, чтобы соотношение было один к пяти. Пенсии-то платить скоро будет нечем.

Кто в этой ситуации твердо знает, что надо делать, так это коммунисты. Они предлагают с самых бедных налоги не брать вовсе, зато с олигархов проклятых драть и драть. Вот разорим этих гадов с их «газпромами», алюминиевыми концернами и прочими чубайсами, и всем будет хорошо. Экономисты резонно возражают, что от такого козлодрания плохо будет не только капиталистам, но и всем, связанным с руководимыми ими производствами, а это полстраны. Если не вся страна. Да и денег, полученных от такого раскулачивания, все равно не хватит. А что на самом деле делать, нам не говорят, наверно, надеются, что оно как-нибудь так, само собой рассосется.

В общем, из познеровской программы стало ясно, что ничего не ясно. Фактически пенсионная реформа вовсе и не провалилась: не может провалиться то, что еще и не началось, реформы не было, а были какие-то вялые телодвижения. Как в опере, где хор пятнадцать минут стоит и поет: «Бежим, бежим! Скорей, скорей! Враг у ворот! Вот он идет!» — и никто не двигается с места. Шариковский подход коммунистов — чистой воды предвыборный популизм, говорили на встрече у Познера, но и предложения правительства говорят о непрофессионализме наших «профессионалов». И нечего всех собак вешать на Зурабова, он, конечно, работать не умеет и сейчас служит мальчиком для битья, но думать, что выгоним его, и все пойдет как надо... Как все-таки мы любим простые решения трудных проблем!

Помните старый анекдот, как Большой Начальник советовал фермеру, у которого дохли куры, сначала нарисовать на курятнике мелом большой круг, а когда это не помогло, в этом круге изобразить треугольник, а потом заключить это все в квадрат, а когда сдохла последняя курица, очень расстроился: «Какая жалость! А у меня еще столько проектов в голове осталось!»

Да нет, судя по тому, что нам показали про жизнь на подмосковной Рублевке, чиновникам не до нас. Рублевка — особое место на карте России. Там — совсем другая жизнь, которую не меряют жалкой пенсией. И пусть последний хлопотун за сохранность природы Олег Митволь хлопает крыльями и кудахчет: как строились особняки в водоохранной зоне, так и продолжают строиться, реликтовый лес успешно вырубается, а дивизии охранников за глухими заборами зорко стерегут собственность новых хозяев жизни. Один такой заборчик, сказали нам в передаче, стоит восемь миллионов долларов, а кто там живет, не знает никто. Шепчут, что вроде бы какой-то бывший чиновник из Рособоронэкспорта.

А эти новые хозяева — занятные люди. И деток своих они учат за пять тысяч долларов в месяц, и уборщице платят две тысячи — тоже не рублей. Ну и себя, любимых, они

не забывают, что вы! Вот вам Дмитрий Якубовский — помните, тот, что немножко посидел за кражу редких книг из Публичной библиотеки? Он теперь адвокат, и у него одних павлинов во дворе шесть штук. А у племянника Жириновского как-то жили аж четыре медведя, и сам главный элдэпээровец любит на его вилле отдыхать от праведных трудов.

Поесть и попить они тоже не дураки. Повара у них итальянцы: разве наша чухлома умеет готовить? Вина опять же XVIII — XIX веков, бутылочка за 15 тысяч евро.

Не забывают рублевцы и про искусство. На панно во владениях одного из них изображены святые, лики которых, говорят, здорово похожи на физиономии заказчиков. Нет, от скромности они не умрут... А как вам нравится аукцион, где продаются двенадцать стульев, в одном из которых зашиты настоящие бриллианты? Читают наши новые богачи классику, читают! А вы говорите.

А женщины Рублевки — о, это особая каста, в которую трудно войти, но из которой легко вылететь. Здесь очень внимательно следят, на какой машине вы сегодня приехали, какая у вас сумочка, какие туфли, и если что-то изменилось в худшую сторону, вас немедленно начинают игнорировать.

И, что почти смешно, если вы расслабились и на минутку оставили на скамейке барсетку с каким-нибудь там десятком тысяч евро, возвратившись, увидите: оп-па, сперли! Не иначе как любимые соседи, выскочившие вон из того лаца в мавританском стиле!

Среди всего этого срама неуютно себя чувствуют две категории людей: последние старожилы, которых еще не выселили из их развалюх, и настоящие деятели искусств, например кинорежиссер А. Кончаловский, который на свои немалые, но вполне заслуженные гонорары выстроил на Рублевке семейное гнездо, или знаменитый пианист Н. Петров, собственными руками соорудивший удобное жилье. Плохо им среди царства денег, снобизма и нахрапистой наглости, среди беззастенчивой коррупции и просто богатого бескультурья. Это не мой мир, я чувствую себя тут, как кусок сливочного масла в горячей воде, признается Петров. «Разве это наша элита?» — рассуждает Кончаловский. Богатый человек — это еще далеко не элита. Наши купцы в прошлом тоже были богаты, но они в большинстве своем элитой не были.

Увы, этот разрыв между настоящей элитой и просто людьми с деньгами нам еще не раз аукнется. Да и как может быть иначе, когда вокруг — сущий пир во время чумы, когда разница в доходах бедняков и богачей у нас — раз в двадцать пять, а в благополучных западных странах — раз в пять? Почувствуйте разницу. И если какие-нибудь экстремисты бросят клич «Грабь награбленное!», народ кинется на Абрамовича, и зря, потому что не знает, что иной скромняга чиновник или депутат тоже отщипнул уже себе немаленький кусочек. Который он и прячет за высоким забором с камерами наружного наблюдения и свирепыми волкодавами.

В моем детстве продавались конфетки с выразительной надписью: «Ну-ка отними!»

Владимир ЖЕЛЬВИС, профессор ЯГПУ имени Ушинского.